

«ЗОВЯК»

И ЕГО ГОСТИ

Литературная страница

Татьяна Каминная

ОСЕНЬ

Не ведая стыда, она в порыве
страстном
Ворвется в этот мир, одежду
скинув прочь,
Но будет уходить, печальна
и несчастна,
Нет в мире никого, кто мог бы
ей помочь.
Запас ее казны до листика
растрочен,
Ногами втопан в грязь
последний золотой.
Поэтому она так безудержно
плачет,
На землю слезы льет сначала,
а потом
Затихнет и уйдет без лишнего
вопроса,
Дыханьем ледяным, прощаясь,
обожжет.
...Красивой, молодой, шальной,
рыжеволосой,
Она на радость нам вернется
через год.
х х х
Какой народ еще, помимо
русского,
Ломает жизнь свою, что было сил,
Ну, а потом с душевной
перегрузкой
Борьба будет с тем,
что натворил!

Мы памятники сносим
в иступлении.
В историю вторгаемся опять.
То в культ возводим, то ругаем
Ленина,
И с каждым вновь рожденным
поколением
Жизнь с чистого листа хотим
начать.
Зачем все это! Нам стыдиться
ничего.
Есть многое, что хочется
воспеть.
Душевного тепла и человечности
Хватает, дай каждому иметь.
Пусть на Земле живут народы
разные,
Но стоит ли различия искать!
Как будни чередуются
и праздники,
Им друг без друга
не существовать.
Эх, жить бы в мире так,
как заповедано,
Как испокон веков мудрец учил.
Да только вот за мудрецами
следуют,
Растапывая мудрость, палачи.
Предательства, наветы,
злые вымыслы.
И чувства, не подвластные уму.
Как ты, страна моя, все
это вынесла,
Я до сих пор, родная, не пойму.

ЛЮБИМОМУ УЧИТЕЛЮ

Светлой памяти И. П. Еременко

Иван Петровича не стало...
Нам не забыть его вовек.
Директор школы-интерната
Был настоящим человеком!

Считал нас не за хулиганов,
А за веселых сорванцов.
Нас за проказы не ругал он
И многим заменил отцов.

Он всех нас приохотил к книжкам,
Родной истории учил,
К нам относился, как к мальчишкам,
И вырастил из нас мужчин.

Ученики его мечтали
По жизни вслед идти за ним...
Мы низко головы склоняем
Перед учителем своим.

От имени одноклассников Александр Пирязев

СОЛО В ЗИМНЕМ ПАРКЕ

Фото С. Демянюка

Юрий Ворожик

НАШ АКТИВ

Устает механизм часовой,
А мы крутимся и не ропщем.
Все проблемы пробьем головой,
Не жалея себя-то в общем.
И имея такой позитив:
Дом, семья и, конечно, дети, —
Мы записываем в актив
Сумасшедшие годы эти.
Но, встречая школьных друзей
(Потрудился безжалостный Молох),
Понимаем: из милых детей
Превратились в горючий порох.
Неожиданно сердце щемит:
Мы теряем друзей и любимых,
Мы растрчиваем лимит
Дней оставшихся, неповторимых.
В мимолетном взгляде поймешь:
Код морщинок — в улыбке усталой.
Как растратилась наша мощь!
И не малой кровью. Не малой.

ПИТЕР

Здесь все иное. Мутной спицей
Адмиралтейская игла,
А дождь, и тот, как за границей,
И нет приятного угла.

Дворцы, проспекты. Чинный город.
И кони дыбом у моста.
Он, как вельможа. Стиль и холод.
И перст, и ангел у креста.

Унесит импортный «Икарус»
В архитектурное кино.
А я влюбляюсь и влюбляюсь
В него, как в старое вино.

Он венценосен. Лик державный.
Над всей Россией благодать.
В веках и бедах Питер славный
Не растерял ни власть, ни стать.

В ПОЕЗДЕ «МОСКВА-ВЛАДИВОСТОК»

Сколько жизни и сколько идей
Поглотили просторы эти...
Нет России моей милей!
Я упряма, как упрямы дети.

А в конце меня ждет океан,
Может, Тихий, а может, Атлантика.
Миражами далеких стран
Переполнена жизни романтика.

Виноград, и амурский орех,
И тигровые сбитые солпки,
И багульник, цветущий для всех,
Интерес разжигают неробкий.

Так прекрасна экзотика мест:
Крабы, тралы, креветки, красотики.
А потом это все надоест,
Будто ржавая тушка подлодки.

И захочешь простых сухарей
И тельняшки соленой от пота.
...А пока же лети поскорей,
Поезд, в Азию из Европы!

Августина Филатова ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Воспоминания о встречах с Анастасией Ивановной Цветаевой

Иногда жизнь дарит нам неожиданные и щедрые подарки. Таким подарком я считаю встречу с Анастасией Ивановной Цветаевой.

Отдыхая в пансионате общества «Знание», я познакомилась с очень интересным человеком — Доброславой Анатольевной Донской. Завязалась дружба, которая продолжается уже более 25 лет. А тогда в пансионате я услышала ее замечательную лекцию о Марине Цветаевой. Меня просто заворожили и лектор, и представленный ею образ Марины Цветаевой, ее стихи, ее судьба. Впоследствии я не раз слушала эту лекцию в разных аудиториях, и каждый раз по-новому, с особым проникновением, Доброслава Анатольевна знакомила слушателей с Мариной Цветаевой. Ни для кого не секрет, что мы, школьники 30-40-х годов, не были знакомы с поэтами «серебряного» века, и для меня была откровением такая встреча с жизнью и творчеством замечательной русской поэтессы. А когда я узнала, что Доброслава Анатольевна дружит с сестрой Марины — Анастасией Цветаевой, то восприняла эту новость, как нечто из области фантастики. Потом я часто узнавала от нее подробности из жизни Анастасии Ивановны, об их встречах, занятиях, поездках, которые бываю в ее доме, о родных и о многом другом. Все это еще больше разжигало во мне желание встретиться с Анастасией Ивановной. И такая встреча, и не одна, случилась.

ПЕРВЫЙ ВИЗИТ

Память хранит мельчайшие детали моего первого визита в этот чудесный дом к его удивительной хозяйке. Условный стук в дверь. Открывает и встречает нас сама Анастасия Ивановна. Быстрым взглядом, запечатлевший всю меня и как-то сразу тепловещий. Никаких церемоний, расспросов. В доме уже 2-3 гостя. Впоследствии я заметила, что очень редко этот дом пустовал, а посетители его сами были неординарными личностями.

Осматриваюсь, обмениваемся улыбками с присутствующими, кратко представляю, и... я пуščена в «свободное плавание» по квартире — небольшой, однокомнатной, но вместившей в себя огромный духовный мир. В цент-

ре комнаты — овальный стол, столпикам, писем, вазы с цветами. Слева — ширма, за ней святая-святых — домашний храм Анастасии Ивановны, а на ширме — фотографии известных писателей, поэтов, музыкантов с их дарственными надписями. Тут же слева роаль, и снова книги, рукописи, фотографии... Я попала в атмосферу творчества, памяти о чьем-то и о ком-то очень близком, дорогом, где все открыто и доступно, и в то же время лично.

Мы пили чай, о чем-то беседовали, кто-то приходил и уходил, но запомнилась сама атмосфера, непринужденная, доброжелательная, и полное отсутствие ненужных условностей, церемоний. Было ощущение, что я нахожусь среди давно знакомых мне, близких людей. Запомнился момент, когда я во вре-

мя чаепития угостила Анастасию Ивановну зефиром в шоколаде, а она сказала: «Не могу, пост...».

Когда мы уходили, Анастасия Ивановна меня перекрестила. По дороге домой Доброслава Анатольевна заметила: «Ты ей понравилась, она тебя благословила. Это она делает не так часто».

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

В очередной раз направляясь в гости к Анастасии Ивановне, я взяла с собой фотоаппарат. После разговоров и традиционного чаепития Анастасия Ивановна, не обращая на нас внимания, углубилась в работу над письмами. Видя ее за столом, среди букетов цветов, очень сосредоточенную, я, не спросив разрешения, сфотографировала ее. Меня выдала фотовспышка. Анастасия Ивановна строго взглянула на меня, топнула ножкой и сказала: «Почему вы снимаете меня, да еще в такой позе? У меня и так не длинный, а сейчас я наклонилась, и на фото он получится еще длиннее!». Я, растерявшись, стала оправдываться, что она так живописно смотрится среди цветов, за работой. Сменив гнев на милость, Анастасия Ивановна приняла позу, подняв лицо от писем, и сказала: «Вот теперь снимайте!». Получившаяся фотография стала одной из самых любимых ею.

О ЧТЕНИИ ВСПЛУХ

Запомнился мне и такой момент. Как-то раз Анастасия Ивановна попросила меня почитать ей вслух какой-то рассказ или повесть. Я начала бойко читать, но очень скоро Анастасия Ивановна меня остановила: «Голубушка, нельзя читать ско-

роговоркой». И рассказала, что у них в семье был буквально культ чтения вслух, и читать надо так, чтобы не только самой чувствовать, что хотел сказать автор, но и донести это до слушателей. Больше меня не просили читать вслух, хотя этой чести удостоивались и Доброслава Анатольевна, и другие гости.

«В ЛЕСУ ПРИФРОНТОВОМ»

Однажды Анастасия Ивановна была в гостях у Доброславы Анатольевны. После общения и небольшого застолья я взяла в руки гитару и стала перебирать струны. Анастасия Ивановна спросила: «Вы знаете такую песню: «С берез неслыштен-невесом?...». Я ответила утвердительно. «Тогда спойте ее!». И вот мы втроем сидим, друг напротив друга, и я тихо пою. На втором куплете Анастасия Ивановна закрыла глаза. Мы переключились с Доброславы, решив, что гостя устала и вздремнула. Я замолчала, допев второй куплет. И вдруг Анастасия Ивановна открывает глаза и бодрым голосом спрашивает: «А третий куплет?». И мы уже втроем поем песню.

БЕСЦЕННЫЙ ПОДАРОК

Ко мне на день рождения приехала Доброслава Анатольевна и преподнесла удивительный подарок. На полотняной дорожке, обшитой по периметру тесьмой, Анастасия Ивановна карандашом написала такой текст:

«Милой Августине
с добрыми пожеланиями!
Анастасия Цветаева
на 94 году
13.01.1988.»

По написанному Доброслава прослала стельбчатый швом, но изпод вышивки виден текст, написанный рукой Анастасии Ивановны. Конечно, я храню этот подарок как очень добрую и теплую память об этом прекрасном человеке.

Виктор Ивашко

БИТВА ЗА УРОЖАЙ

Бабье лето, ребята,
Боевая пора:
От зари до заката
Тарахтят трактора.

Закипела работа,
Торопись, поспедай!
Основная забота
Нам — собрать урожай.

Из-за мокрой погоды
Был в страде перерыв.
В завершение года
Нужен штурм и прорыв.

Атмосферные тайны
Стали главным звеном.
Проплывают комбайны —
Значит, будем с зерном.

Нынче наша задача —
Заполнять закрома.
Да пребудут удача,
Изобилье в дома!

Ведь не зря были с сошкой
По весенней поре.
Будет в доме картошка,
Каравай на столе.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Холодает, близится стужа.
Я дожид до осенних седин
И бреду по замерзшим лужам
В неприкаянных чувствах, один.

Утонуло в забвении лето,
И в душе оседает печаль.
Всех друзей растерял я по свету,
И себя вот немножечко жаль.

Ветви ниже береза склонилась,
Налились соком кисти рябин.
Небеса оглашает уныло
Запоздало курлычащий клин.

Этим звукам над лесом, над речкой
Вторит эхо в опавшей листве.
И печальные мысли о вечном
Возникают в моей голове.

Засвербила на сердце тревога,
И кричу я в обиде на всех:
«Ты, зима, подожди хоть немного,
Не мети в мои волосы снег!».

В ИНЫХ МИРАХ

Мой жребий трудным оказался,
Но на судьбу я не в обиде.
Дорогой жизни я промчался,
Как будто в гонках на болиде.

Осталось много или мало!
В природе правила так строги.
Да, мы домчимся до финала,
Ведь есть всегда конец дороге.

Быть может, рано или поздно
Свой путь закончив на планете,
Я улечу к далеким звездам,
Как на космической ракете.

И по преданьям старой веры,
Моя душа, мое сознание
Перелетят в иную сферу,
Войдут в другое мироздание.

Оставив хлопоты земные
И все житейские заботы,
Я окуюсь в миры иные,
Вкушу душевной позолоты.

Но с высоты глубин Вселенной
Я буду, чувствую светлым внемля,
Взирать с тоской проникновенной
На хрупкую планету — Землю.

Алексей Хованский

РАЗЛУКА

Знать, накаркала ворона,
И уже — разлуки стон.
Нет на свете горше стона
И крикливее ворон.
Раз случилось разлучиться —
Не печалься и не плачь.
Ведь любовь недолго длится.
Время лишь несется вскачь.

МОЖЕТ БЫТЬ

Мне сердце разобьет
Весенняя гроза,
Бровей твоих разлет
И неба синь в глазах.
Я, может быть, умру
В жестокости очей.
И в мае поутру
Десяток наших дней
Я траурно сотру
Из памяти своей.

Татьяна Юшина

В ПОДРАЖАНИЕ ВЛАДИМИРУ ВЫСОЦКОМУ

Люблю тебя сейчас
И преданно, и верно.
До головокруженья.
Слепоты.
Люблю тебя сейчас.
Но нам с тобой, наверно,
Не быть никак вдвоем.
Слепящей высоты
Нам не достигнуть
Врозь.
А мы с тобой — не рядом.
Сомненья ни к чему,
Как шелуху, отбрось.
По линиям судьбы
Вдруг полыхнуло ядом.
Все в мире «почему»,
Как едкое — «насквозь».

Люблю тебя сейчас,
Хотя и не признаюсь.
Не стоит знать тебе
Бессонницу ночей.

Я тайно пред тобой,
Мой милый, преклоняюсь.
Но легче мне принять,
Что будешь ты ничей.

Завидная судьба —
Высокая награда.
Но невозможен взлет,
Из туч прольют дожди.
Навстречу мне шагни.
О, как я буду рада!
Ты не спеши назад,
Минуту подожди!
Постой, не уходи!
Не торопись! Наверно,
Увядавшие цветы
Уж не воспрянут вновь.

Люблю тебя сейчас
И преданно, и верно.
Уйдет моя любовь —
Придет иная новь...

СНЕГОПАД

Рассвет обнимается с утром
В снегу и кружении мутном.
В свечении белом рассвет.
И снег заметает весь свет.
И метели раскинуты руки,
И кружатся белые мухи.
Последний зимы снегопад
Так легок, почти что крылат.
И дремлет засыпанный сад
В одежде из белых заплат.

ЗИМНЕЕ

Снова снег заносит землю,
Укрывает полотном.
Все объято белым сном.
Снегопад в тоске приемлю.
Но мечтаю о весне,
Солнцем, синью разодетой.
А зима — в забытом сне,
В песне, до конца пропелой,
Вся заношена до дыр
И совсем уж нелюбима.
Вновь заносит снегом мир.
Иль зима неистребима!

Стенан Васин

ДУША К ДУШЕ

Когда душе так хочется тепла,
Целую ваши хрупкие ладони,
Улыбка ваша мягкая светла,
Она, как солнышко на чистом
небосклоне.

От ваших глаз кружится голова,
Склоню ее на гладкие колени,
Мы молча счастливы,
нам ни к чему слова,
Душа к душе кладут свои ступени.

Я с вами мыслями, вы мыслями —
со мной,
Не мудрено, что мы друг другу
снимся,
Пусть в полдень и убиты суетой,
При встрече мы, конечно,
возродимся.

Анатолий
Прыжкин

НОВОГОДНИЙ ТОСТ

Рассказ

Год только начинался, а дед Патрикей уже думал, что он пожелает себе в следующем Новом году.

Иногда его желания становились уму непостижимыми, и Патрикей себя осаживал: «Ну, куда ты, старый хрыч, прешься, куда? Там все уже схвачено!».

Но порой начинал себя разжигать, доводить до кипения, до той температуры, когда неминуем взрыв. «Ожирение виновато!» — догадывался он и садился на диету.

Через неделю-другую соображал, что при таком количестве в торговых точках жиров и сладостей походить невозможно! А тут еще почти ежемесячные повышения пенсии...

Друг детства Патрикея, отставной подполковник Савелий, был строг к старому другу и приводил ему в пример семью Николая II: «Уж этим особам ни в чем отказа не было, а ожирением не страдали». «Да, не страдали, — ехидно подтверждал Патрикей. — Не страдали потому, что ведроми не ели запаренную мякнину и картошку... короче, всю эту солому-полову, которую нам рекомендуют врачи. Слава Богу, одного афериста президент убрал! А при Сталине и другие б ушли».

В ответ подполковник Савелий, кривясь, запевал: «Товарищ Сталин, вы большой ученый, / Тра-та-та-та трата-та-та-та! / А я простой советский заключенный, / Тра-та-та-та трата-та-та-та...». На этом тему закрывали.

Весной Патрикей стал чувствовать в ногах тяжесть и уже не выходил с полатой или граблями в огород, а сидел часами на веранде, наблюдая, как его сосед Савелий ловко окучивает картофельные грядки.

Это и было время, когда Патрикей серьезно стал размышлять о новогоднем желании, которое было исполнимо, как в сказке, в наступившем году.

Оглядываясь на минувшие годы, он, к сожалению, не мог вспомнить, чтобы он сам себе что-

то конкретное пожелал. Предположим, купить автомобиль, совершить круиз вокруг Европы, посмотреть на то место, где он появился на белый свет.

Вспоминалось лишь: «Ну, все сели? Пи-пи! Поехали». Куда поехали, зачем? Уж эти любители быстрой езды! Нет чтобы кто-то сказал: «Ямщик, не гони лошадей, кони бегать устали...».

Потом были лето и осень. И снова прибавляли пенсии. Странно прибавляли: кто пенсию получал маленькую, тому и прибавляли мало, а кто большую — тому много и добавляли. Честно говоря, дед Патрикей пенсии не волновал. Он знал, что деньги — зло. Хорошо, что на хлеб хватало. А сколько стоит хлеб, он знал лучше всех президентов вместе взятых. До сих пор чувствовал на своей спине ожог от немецкой плетки, который получил на колхозном току, хотя и русский кнут жарил будь здоров...

От этих воспоминаний в душе Патрикея разрасталось чувство гнетущей обиды, и тогда он ковылял через дорогу в «биндажи», где похожая на матрешку продавщица наливала ему из-под прилавка местной, как она говорила, отравы. Возвратясь в избу, Патрикей включал на всю катушку еще брежневских времен телевизор и слушал «Новости». После «Новостей» он опять хромал к «матрешке», а оттуда его уже чаще всего приносили спать.

Между тем в мире происходили события, от которых вздрагивали не только людские души, но и целые материи. И это в самый счастливый год идущего десятилетия.

По утрам Патрикей придирчиво осматривал огород и сад полковника и, убедившись, что на земле порядок, соответствующий времени года, без зависти замечал: «Видать, у него и в сарае порядок, и в подвале баночка к баночке: здесь огурчик, здесь помидорчик, здесь перец фаршированный, здесь лучок-чесночок, ... а дальше наливочка, настоячка и вино яблочное! Яблок в

этом году было, действительно, как перед концом света...».

Только в конце декабря отпустил Патрикея очередной приступ. И как-то исподтишка вернулся к нему идея встретить Новый год с каким-нибудь серьезным пожеланием самому себе.

Лишенный литературных задатков, он уже был готов сострелять настоящий сценарий Новогодней ночи.

По сценарию, часов в одиннадцать вечера в его избе должен был появиться в парадном мундире отставной подполковник Савелий, и, заложив за воротник сто пятьдесят без тоста, под «беломорину», спросить его: «Ну как у тебя насчет тостов? Сегодня их потребуются баснословное количество! Готов?». А рядовой Патрикей четко ответил: «Так точно! Этих тостов у меня целая жаровня». И вытащил из духовки черную, словно измочаленная ведрома, жаровня: «Прошу! И на цвет, и на вкус».

«Да в своем ли ты уме, — сердито скажет подполковник, — ведь Новый год на носу, а у тебя дурацкие шуточки». «Никак нет, не дурацкие, а исконно русские!». И, раскрыв перед отставным подполковником словарь русского языка, прочтет: «Тост — поджаренный или подсушенный ломтик хлеба».

Патрикей перечитал свой сценарий уже после Нового года и несколько не удивился, что все случилось так, как он желал, чтобы случилось в праздничную ночь. Единственное, что он упустил, так это бросить дружеский упрек реабилитированному подполковнику, что он и сейчас не выполнил приказ своего главнокомандующего. Иными словами, он игнорировал, что главнокомандующий объявил 2007-й год Годом русского языка.

«А ты думал услышать спиш? — выговорил все же Патрикей стоящему в его воображении соседу. — Русские тостики куда полезней, чем заморские восторженные сичи».